

обращение к данной проблематике обогатило бы исследование. Заметно выиграло бы оно и от более широкого привлечения воспоминаний приходских священников и посвящённых им некрологов (многие из них указаны в справочнике «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П.А. Зайончковского). Целый ряд наблюдений и выводов, сделанных в монографии, получил бы дополнительное обоснование при опоре на данные материалы.

Впрочем, нет сомнения в том, что монография А.Л. Беглова является зрелым самостоятельным исследованием, без обращения к которому не обойдётся ни один учёный, изучающий историю пореформенной России и Русской Церкви синодального периода.

***Анна Мангилёва: В замкнутом круге бюрократизации
и реформ приходской жизни***

*Anna Mangileva (Yekaterinburg Theological Seminary, Russia):
In the vicious circle of bureaucratization and reform of parish life*

DOI: 10.31857/S2949124X24040067, EDN: FFWLGV

Хронологические рамки исследования А.Л. Беглова гораздо шире указанных в названии книги. Говоря об эволюции приходских структур, автор рассматривает весь синодальный период, а не только происходившее «на закате Российской империи». Опираясь на обширную историографию последних десятилетий, он отмечает: «В начале XVIII в. мы можем увидеть, как церковные и государственные интересы расходятся. Борьба с расколом продолжала быть общей задачей для империи и Церкви, но государственная политика в отношении духовного сословия показывала, что со времени Петра I империя стала смотреть на Церковь и её институты с позиций собственных, часто узко понятых интересов» (с. 58). Это и явилось истоком тех проблем, которые возникали затем в приходской жизни.

Беглов справедливо указывает на то, что историки и сегодня обычно сосредоточены на анализе положения духовенства, тогда как приход зачастую рассматривается ими как фон, на котором протекали интересующие их процессы. Между тем превращение служителей Церкви в замкнутое сословие заметно отразилось на приходской жизни, поскольку государство фактически возложило на прихожан обязанность обслуживать сословные интересы пастырей. Написано об этом немало, но исследователи, как правило, видят тут только причину недостаточного финансирования семинарий и академий, игнорируя иные последствия подобного изъятия средств верующих, предназначавшихся на нужды храмов и причта.

При этом формирование духовного сословия сопровождалось обюрократчиванием. Составление и выдача метрик практически полностью легли на его плечи. С течением времени количество форм делопроизводства на приходе только возрастало, несмотря на происходившую секуляризацию сознания и образа жизни модернизирующегося общества. Сами священнослужители всё

зыблемость секулярного Модерна (теоретическое эссе) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1(30); Узланер Д. Картография постсекулярного // Отечественные записки. 2013. № 1.

чаще выступали против принудительного участия неверующих, по сути, людей в церковных Таинствах⁸. Формализация проникала даже в такие структуры, как приходские попечительства, создававшиеся в пореформенное время. Любые попытки разорвать этот замкнутый круг бюрократизации и реформ терпели неудачу, и к тому моменту, когда «“приходской вопрос” стал вопросом политическим» (с. 6), кризис прихода приобрёл практически неразрешимый в тех условиях характер. «История приходской реформы в межреволюционный период, — констатировал Беглов, — ещё один пример кризиса имперской государственной машины в целом и синодальной системы государственно-церковных отношений в частности. Ни та, ни другая не оказались способны хоть в каком-то виде провести реформу, необходимость которой была признана и императором, и бюрократией, и обществом» (с. 812).

Как показано в книге, некоторые священники, понимая суть и остроту проблемы, старались хотя бы в собственных храмах оживить отношения с паствой, привлекая её своим вниманием, проповедью и служением (с. 324–341). Конечно, их разрозненные усилия не могли по существу исправить общую ситуацию в стране, но они, по крайней мере, делали её менее безнадёжной. Мало что меняло и устройство церковно-приходских школ, библиотек, обществ трезвости и т.п. Характерно, что автор отказался рассматривать их деятельность в монографии, особо оговорив это в предисловии (с. 7).

Основное внимание Беглов уделяет дискуссиям о судьбе и организации прихода. Изучив огромный массив документов, он скрупулёзно анализирует как предложения и проекты, поступавшие в различные инстанции, так и реально существовавшие примеры приходского устройства и идеальные модели, созданные участниками полемики на основании исторических изысканий. Всё это помогает понять, как формировались решения, закреплённые на Поместном соборе 1917–1918 гг., а иногда меняет их оценку. Так, раскрываются истоки достаточно неоднозначного соборного определения «О правовом положении Православной Российской Церкви», принятого 2 декабря 1917 г. и предусматривавшего наделение «служащих в учреждениях церковных» правами «государственной службы», а также получение Церковью из государственного казначейства «ежегодных ассигнований в пределах её потребностей»⁹. В условиях отделения Церкви от государства (чего добивались и церковные деятели) такие требования звучали нелогично, но участники собора, по-видимому, этого не ощущали, поскольку продолжали рассуждать в рамках ушедшей синодальной системы. К тому же они даже не пытались опереться на приходы, осознавая разлад между духовенством и прихожанами. Развернувшаяся в 1917 г. «приходская революция» заставляла Церковь привычно ожидать помощи от правительства. В результате, и приходской устав, одобренный собором, оказался достаточно консервативным по сравнению с теми идеями, которые звучали в ходе его подготовки. Беглов пишет о том, как под влиянием «приходской революции» и начавшейся борьбы советской власти с Церковью прежние подходы пришлось пересматривать и значительно корректировать. В целом же XX в. в истории Русской Православной Церкви прошёл в том числе и в поисках приемлемой формулы организации приходов.

⁸ Подробнее см.: *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 194–264.

⁹ Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 2. М., 1918. Приложение к «деяниям» второе. С. 6–8.